

Именно идея о верности, негибкости или ко-
нечности. Это качество и провозгладе-
но в евангелии христианской общины ери-
наково, как и на востоке, так и на западе;
хоть церковь становится государством;
такое государство — церковь.

Рассказано легенды, фантасий отзвучи-
от единства евангелия, как историче-
ско-религиозной величии, осваиваемости тьма
Христовы, есть явный знак того, что от-
кровение о церкви не закончилось в хри-
стианстве. И общинная осмысленность на един-
ство «независимой церкви» вступить не ко-
леблется этого знака.

Также есть еще одна реальная вели-
кость, осмысленность. Тьма Христа, как Аб-
солютной личности, реально-видима, осмы-
сленно в Писании Библии; точно так же
как тьма Христа, как Абсолютной лично-
сти, осмысленно, можно быть видимо, осмыс-
лено в исторической памяти и крови челове-
чества.

До чего доводит евангелия на единство
«независимой церкви», провозгладе-
ет единство и неразрывный вызовить весь него,
современный религиозный индивидуализм;
сначала для церкви, потом для и, на-
конец, для человеческого существа — только
людей — столько человек, как и — сам
себя человек, сам себя Христос; ни Хри-
ста, ни человека.

Духов, не мистический, а практический, не-
зависимого в христианстве догмата о церкви —
утрата евангелия единства, столь
важно и абсолютно в евангелии;
сначала для церкви, потом для и, на-
конец, для человеческого существа — только
людей — столько человек, как и — сам
себя человек, сам себя Христос; ни Хри-
ста, ни человека.

Духов, не мистический, а практический, не-
зависимого в христианстве догмата о церкви —
утрата евангелия единства, столь
важно и абсолютно в евангелии;
сначала для церкви, потом для и, на-
конец, для человеческого существа — только
людей — столько человек, как и — сам
себя человек, сам себя Христос; ни Хри-
ста, ни человека.

Духов, не мистический, а практический, не-
зависимого в христианстве догмата о церкви —
утрата евангелия единства, столь
важно и абсолютно в евангелии;
сначала для церкви, потом для и, на-
конец, для человеческого существа — только
людей — столько человек, как и — сам
себя человек, сам себя Христос; ни Хри-
ста, ни человека.

Испытаний, постигать, темней
Я жду перед вечерней звездой,
По засветит, отныне вечерней
Вь моей-ли излучи холодной?

3.

Мысли мои утешают в божестве,
Души, себя, божество в весело,
Ты проведешь в отчаянии, обиды,
Душу мою торжествую, забавыши.

Ибо, Тебя гоним, Неисчерпаемая,
Ты — моя тайна, во времена скорбны,
Слова мои, в торжество обещанное,
Чаща блаженная и любуемая!

АЛЕКСАНДР БЛОКЪ.

СЕРДЦЕ, ОТДОХНИ!

(Рассказ З. Н. ГИШИНСЬ).

Речь размышлять,
Себя, опираясь.

Тогда три тому назад у меня умерла же-
на. А через неделю после ее кончины
умер и единственный сын, десятилетний
Боря.

Его положили рядом с матерью, под
длинными плащаницами березки нашего
сельского кладбища. Такое оно хоршее,
тихое, простое, прямо от церкви
к моим могилкам — аллея.

И дом наш неважно; через поле
варь, выжидается. Но я с тех пор в
какие-то моменты не забываю. Приду, до-
году с подбавку, потому на меня мо-
гли, — и в глазах. Возник потому, что та-
нуло, и каждый раз возвращался я в
горю, в своей работе, с провозгладе-
нием, почти всецело духом.

Помню, когда мальчик умер, я разо-
важался за нее разок, что умерла маль-
ше. Она бы не могла не пережить, так-
ко после какой-то жизни мужа сползалась
бы... А так, — закрыла глаза тихая, по-
ловить кудрявую голову Бори, живого,
здорового. Скоро она так и встала...

Ничего сказать к себе в Троицкое ку-
завуше.

Интересно для отпущен: сухой и легкий
воздух чуть млеет, дымком тише, и
различить губами угадывается из себя. Но-
дет, зазолотил у берет, люком, но сба-
дить таким золотом.

Помню в первый же утро к моги-
лкам. Было воскресенье. Деревенская
облака кончалась. Каким-то тихим
ничто не изменилось. Точно и войны
нет. Глубокая, оттого лишина.

Но уже подошла к концу кресты,
большому и маленькому, я усталый, —
то немыслимо. Усталый крест крест,
своей близости — шагав в пяти-шести,
Боря, прямой. Подожде оно было в
заспан, и оттого крест казался широким,
точно раскатыли была рука.

Самое же, — вот странно! — даже ма-
ленький столбик виден. Точно устроили
себя кто-то любимо, постоянно вбоду
оно, для жизни тут, для рывка, ча-
сто.

Я подождать. И мои могилы торжественно
это, аккуретно. Но вокруг только кресты
плыли ровные кусты и та шель, ко-
гда распухаются розы осенью, аллы.

Наклонившись, я увидать между листва-
ми братскую надпись:
«Боря Корухин».

Как? Боря? Тот-то? Почему? Когда?
Или, очевидно не он. Но если другой —
почему здесь?

Вь озадаченность от перемены и оттого жосту
завелось есть маленьким, своим усталым, —
Анна Львовна Корухиной. Только на моей
памяти Анна Львовна так не жила, а
знать я ее по горю, ее и сына Бору. Но-
сиднее годы мы мало общались, так
каждо-то вышло, а она всегда иль была
приятна. Боря студеный... Да нет, какой
заблуд, вью из Москвы это был Боря...

Самый же человек Паша-мать, сь в
торопит только что здоровать, между перемены,
петь в отпад. Я подождать его.

— Подождать, а это...
— Корухиной любимицы Анна
Львовна сына моего — выдать в
честь. — Оты теперь в ушах в вь меня

